

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	38
Глава 4	71
Глава 5	81
Глава 6	118
Глава 7	127
Глава 8	131
Глава 9	137
Глава 10	155
Глава 11	174
Глава 12	183
Глава 13	194
Глава 14	208
Глава 15	238
От автора	250

ГЛАВА 1

СИАН

- 1 -

Дыхание прошло сквозь округленные губы как ветерок и, покинув мое тело, превратилось в мыльный пузырь. Прозрачный, он взлетел над головой и исчез. Мы бежали за этими пузырями, высоко подняв руки, кончиками пальцев доставая и лопаая их на лету. В азарте погони я запнулась о камень и упала. На ладонях и коленях проступила кровь. Хэвон расплакалась. Но мама вдруг оказалась рядом и, осмотрев ранки, сказала: «Ничего страшного. Помажем лекарством, и все пройдет». Я не плакала!

В моих воспоминаниях мама мажет мне колленку йодом и дует на ранку. Из-за рыжего антисептика кожу неприятно печет, поэтому, пока наносишь лекарство, нужно дуть сверху, чтобы боль немного утихла.

- 2 -

Почувствует ли мама мое дыхание?

Я медленно протерла пролежень специальным раствором и, промокнув лишнюю влагу, нанесла заживляющую мазь. Чтобы саднящая боль быстрее уходила, я не переставала дуть на больные места на бедрах и ягодицах. Мама так и не шевельнулась, пока я заканчивала с перевязкой. Подложив ортопедическую подушку ей под бедра и уложив ее в другую позу, я оглядела мамины вещи. Все они были там же, где я оставила их вчера. Ополаскиватель, зубная щетка, полотенце и крем — все на месте. Разве что увлажнитель воздуха работал впустую, без воды.

— Папа вчера снова не пришел? Ничего, ты не расстраивайся. В последнее время он очень занят, часто до ночи на работе задерживается.

Из бумажного пакета я достала пальто и разложила так, чтобы она хорошо его видела.

— Смотри. Это я папе купила. В его шкаф посмотришь — одежда вся черная. Наверное,

потому, что с ней хлопот меньше, если испачкается. Я подумала — хотя бы одна светлая вещь в гардеробе у него должна быть. Как тебе? Красивое?

Я всматривалась в мамино лицо. Насчитала несколько родинок: одна под левым глазом, на кончике носа еще одна, над уголком губ тоже и другая, красная, над правой бровью. До того как она заболела, я не замечала, что их так много. Если я вдруг начинала сомневаться, а мама ли передо мной, или она изменилась, или ее подменили, и я почему-то никак не могу ее узнать, когда тревога захлестывает меня с головой, я пересчитываю родинки, и становится спокойнее.

Когда из больницы выписали пожилую пациентку, маму перевели на освободившееся место у окна в глубине палаты. Окна выходят на южную сторону, впуская солнечный свет, а с кровати хорошо видно деревья. Когда мамини глаза были открыты, она почти всегда смотрела в одну точку. Конечно, если человек не может ни голову повернуть, ни положение сменить, ему остается лишь постоянно наблюдать один и тот же вид. А сейчас еще самые заморозки, и деревья стоят голые... Когда весна настанет по-настоящему и зелень листьев окутает кроны, станет совсем хорошо. Тогда из открытого

на проветривание окна будет литься аромат акаций.

Мама всегда любила цветы и деревья. Цветочных горшков в доме было больше десятка. Даже самые капризные растения под ее присмотром не вяли, так что соседи спрашивали у мамы, в чем ее секрет.

«Поставьте их в солнечном месте. Цветы растут, обращаясь к небу, так что днем лучше оставить занавески открытыми. А еще каждому растению нужно разное количество воды. Запишите, чтобы ничего не перепутать».

Ухаживать за человеком в вегетативном состоянии и заботиться о растении в какой-то мере схожие занятия. Но я не знаю, есть ли облако на небе, на которое мама смотрит пустыми глазами, сидит ли для нее птица на дереве, дует ли ветер. Казалось, мамин мир давно остановился.

Чайник задышал паром и, щелкнув, выключился. Я заварила крепкий мятный чай, обмотала деревянную палочку марлей, смочила ее в чае и поднесла к маминому рту, чтобы она могла ощутить вкус. Говорят, это помогает пробудить

рецепторы, так что я каждый день заваривала мамин любимый чай с перечной мятой.

Аромат трав наполнил палату. Вдыхая его, я ненадолго вернулась в детство, как будто запах мяты, доносившийся из маминой комнаты, достиг меня через время. Она всегда просила не подходить, пока пила чай, боясь пролить горячую воду, но мне было достаточно просто смотреть, сидя в нескольких шагах.

Должно быть, я протолкнула марлю слишком глубоко, и мама стала давиться. Ей необходима кислородная маска, но она может слабо дышать сама, жевать или сосать пищу. А вот глотать самостоятельно ей тяжело, поэтому она кашляет или иногда вот так давится. Она очень редко издает звуки, и все они обычно выражают боль — или просто остаются бессмысленным «у-у-у».

Раньше я вкладывала смысл в каждую из таких реакций. Игнорируя слова врача о том, что эти звуки не больше чем бессознательный рефлекс, я считала их признаками медленного выздоровления. Мы с отцом были уверены, что сможем почувствовать тонкие изменения, которые недоступны врачам и медсестрам.

Из теплового шкафа я достала влажное полотенце, чтобы обмыть мамино лицо, потом — руки и ноги. Почистив ватной палочкой уши, я взяла

ее исхудавшую руку и принялась осторожно подстригать ногти. Я обязательно проделывала это каждую неделю. За шесть лет, которые мама провела в вегетативном состоянии, жизненные процессы в ее организме замедлились, а тело заметно осунулось, однако ногти росли с прежней скоростью. Раньше мама каждый раз, обрабатывая ногти на руках, жаловалась, что они растут так необычно быстро. Потом, закончив, она подзывала меня, усаживала между своих ног и неторопливо подстригала ногти и мне тоже. Потихоньку, оттягивая кожу пальцев, чтобы не порезать.

— Нелегко тебе приходится, девочка. Где в наши дни найдутся дети, которые вот так заботятся о своих родителях?

Бабушка Хон повторяла мне это с того дня, как ее привезли в больницу. Она рассказывала, как упала на обледеневшей дороге, когда шла на утреннюю молитву, и сломала правую ногу. Кроме трудностей с передвижением, ее больше ничего не беспокоило, так что из всех шести пациентов этой палаты она была самой активной.

— Дети в наши дни совсем другие, — присоединилась к беседе тетя Чон. Который год вокруг меня ведутся одни и те же разговоры, только пациенты сменяются.

Я тоже ребенок «наших дней». Может казаться, я делаю благородное дело, приношу огромную жертву, но у любого, кому пришлось бы испытать подобное, не останется выбора. Сбежать или закрыть на все глаза не так-то просто. Мне всего лишь пришлось рано осознать это.

Здесь лежали как те, кто уже давно знал меня, так и поступившие на лечение совсем недавно. Даже при смене палаты в течение дня все обязательно подходило узнать мамину историю. Как таковой истории нет, но люди, передавая мой рассказ, то и дело добавляли слова вроде «несчастье», «очень жалко», «тяжелая судьба» — и даже любопытство во взгляде довольно скоро сменялось сожалением.

— Что вы. Ничего особенного.

— Возьми, детка, поешь. Это мой сын съел, все мытое.

Сегодня бабушка Хон угостила меня мандаринами и клубникой. Тогда тетя Чон сказала, что в холодильнике есть кальбитхан¹, и предложила мне поесть. У нее был рак желудка, недавно она перенесла операцию по его полному удалению и сейчас восстанавливалась. Как только ей

¹ Кальбитхан — корейский суп из говяжьих ребрышек. (Здесь и далее — прим. пер.)

хотелось чего-нибудь поесть, она тут же звонила своим детям и просила купить, днем или ночью — неважно. А когда они привозили еду, она не ела, а убирала в холодильник и потом отдавала мне. Мол, все равно не может это съесть сама. Так что я разогрела суп и поужинала, хоть и поздно.

Побывав с мамой в разных больницах, я привыкла принимать заботу от незнакомцев, хотя жалостливые взгляды по-прежнему вызывали у меня враждебность. Однако времени разозлиться на проявление искреннего сострадания не было. Пациенты в палате постоянно менялись — ведь редко бывает так, чтобы в одну палату клали сразу несколько человек в тяжелом состоянии. Большинство наших соседок довольно скоро выписывались, а пожилых увозили в дома престарелых. Еще реже кто-нибудь из-за обострения болезни оказывался в реанимации. Новость о смерти пациентки из нашей палаты вызывала странные чувства, но и они быстро забывались. Я не придавала большого значения словам тех, кто не задерживался здесь надолго.

— Белая клубника?

— Сын купил что-то модное. Сказал, все спелое. Может, это из-за цвета, но мне что-то не хочется. Все тебе, кушай.

Я взяла одну ягоду и показала маме. Удивительно, правда? Сколько интересного появляется

в мире! Она всегда любила фрукты, благодаря ей в детстве они всегда доставались мне на десерт. А сейчас мы с папой фрукты почти не покупаем. Мы стали отдавать предпочтение тому, что легко приготовить и несложно подолгу хранить.

Я была уже сыта, но съела клубнику за один присест. Все равно она скоро переспеет и станет приманкой для насекомых. Со сладким и скоропортящимся всегда много хлопот.

А мама самостоятельно есть не может, кормить ее приходится жидкой пищей через резиновую трубку, идущую от носа к желудку. Она всегда любила готовить и ценила возможность поесть вместе. Должно быть, питание через трубку теперь заставляло маму чувствовать себя так, будто она утратила все, чем дорожила.

Покормив ее, я прибралась, и тогда вошла медсестра Ким.

— Молодец, Сиан, ты прямо настоящий профессионал.

- 3 -

К полуночи пришел папа. Я хотела было спросить, почему он сначала заглянул домой вместо того, чтобы сразу направиться в больницу, но он выглядел таким измотанным, что я не стала.

- Ужинал?
- Поел на работе.

Отец зарабатывал везде, где мог. Когда я была в седьмом классе, он работал на стройке. Пока я училась в восьмом — доставщиком и официантом в баре своего друга, у которого был ментором в университете. К моему девятому классу отец получил квалификацию по уходу за пожилыми и работал в доме престарелых и еще какое-то время — на складе.

До маминой болезни он работал в IT-компании, а сейчас у него столько разных занятий, что с тех пор, как перешла в старшие классы, я перестала спрашивать, чем он сейчас зарабатывает. Отец, конечно, любое место работы называет «компанией» — и бар был «компанией», и завод, и дом престарелых тоже. В последнее время, когда он приходит с работы, запаха пота на одежде я не чувствую, так что, скорее всего, физически он не слишком перетруждается. Подобная работа папе сейчас тяжело дается. Работая на складе, он часто получал травмы, и его до сих пор мучает больная поясница.

Выпив прохладной воды, отец достал кошелек, отсчитал деньги и вручил мне.

- Но карманные еще остались.
- Бери, отложишь, — сказал он и улыбнулся.

Я наблюдала, как он стянул остальные купюры резинкой и убрал в карман брюк. Ну кто в наше время пользуется бумажными деньгами? Все давно расплачиваются картой или телефоном, а отец по-прежнему упрямится. Бабушка — по маминной линии — всегда смотрела на папу с сожалением и говорила, что это все из-за его нервозности. Неизвестно, когда и как настанет черный день, да и настанет ли, но если вдруг что-то случится, отец со своими купюрами окажется самым мудрым человеком на Земле.

Каждый понедельник папа выдавал мне карманные деньги. Лишь раз он пропустил такой вечер, и мне было очень грустно видеть, как сильно отец был разочарован в себе, забыв нечто столь важное. Видимо, он принял для себя за правило регулярно давать мне эту сумму. Мы вполне справлялись без мамы. Папа стирал и развешивал белье, я его раскладывала. Я подбирала с пола мелкий мусор и пылесосила, а он протирали пыль. В средней школе я очень хотела завести щенка, даже умоляла, но отец был против, говоря, что собака — большая ответственность. Теперь я полностью его понимала.

— Сильно занят в последнее время?

По правде говоря, спросить я хотела другое. «Как давно ты не появляешься в больнице? Два

дня? Три? Я присматриваю за мамой по вечерам, ты по ночам — мы же договорились!»

— Да, дел много на работе. Приходится оставаться сверхурочно. — Он не смотрел мне в глаза.

Папа снял потертое пальто, сел на диван и включил телевизор. Я устроилась рядом. В новостях о чем-то дискутировали политические эксперты, пытаясь предсказать, кто из кандидатов, выдвинутых каждой партией, будет избран в парламент. Но папа же почти не смотрит новости, а если и смотрит, то только спортивную рубрику и прогноз погоды... Единственное телешоу, которое он не пропускал, — «дорамы по выходным». Одна из привычек, сложившихся за долгое время, проведенное в стенах больницы.

— Ты долго будешь занят? Холодильник пуст. Есть нечего.

— Вот как? Придется завтра сходить за продуктами.

— И в доме бардак.

Я говорила раздраженно, и папа наконец отвел глаза от экрана и оглядел гостиную. Когда мы переехали из трехкомнатной квартиры в двухкомнатную коммунальную, нам пришлось выбросить мебель и разные другие вещи, так что на самом деле гостиная была почти пуста. Да

и мы оба не из тех, кто станет откладывать домашние дела, как бы ни были заняты, так что бардак был в основном в моей голове. Вот и сейчас отец ответил, что это не такая большая проблема.

— Приду завтра пораньше. Вместе ходим в магазин.

— Не нужно, лучше к маме пораньше приходи.

Мама ни разу в жизни на меня не накричала. Сколько ни стараюсь, не могу припомнить, чтобы она хоть раз отругала меня. И отец тоже обладал спокойным и мягким характером. Так почему же я настолько легко выхожу из себя? Я прекрасно знаю, что порой агрессивна, но если разозлюсь, то чаще всего не могу остановиться.

— Тебе тяжело к маме ходить? Думаешь, если она тебя все равно не узнаёт, так и ходить каждый день незачем?

— Я просто был занят. Как раз собирался пойти.

Снимая носки, он что-то пробормотал о том, что ему нужно умыться перед больницей. Мне показалось, отец пытается избежать необходимости объясняться, и это только раздражило меня.

— Если бы я не сказала, ты бы не пошел. Завтра, послезавтра — тоже не собирался?

Не отвечая, отец скрылся в ванной. Я осталась сидеть на диване, уставившись в телевизор. Может, у него появилась другая женщина? Может, поэтому он так поздно возвращается? Или он просто устал сверх всякой меры? Я часто представляла себе подобное, но я вообще склонна была его подозревать во всем на свете.

С другой стороны, в нем я сомневалась ровно настолько же, насколько в себе. Как вынести такую жизнь, не уставая? Когда накатывало ощущение, что мамина болезнь загоняет нас в тупик, мне становилось самой от себя противно. Но мысль о том, что я не одинока в этом, утешала. По сравнению с другими я держусь достаточно неплохо. Мысли отца наверняка были еще хуже.

Я знала, что многие даже не навещают своих близких в больнице. Но я всегда думала, что мы другие. Мы обещали поддерживать друг друга. Даже когда все вокруг отвернутся, даже если это будет рискованно, мы останемся вместе. Мы строго придерживались правила никогда не оставлять маму одну, и теперь мысль о том, что отец молча его нарушил, меня тревожила.

Папа вышел из ванной и, усталый, лег на диван. Я попыталась взять себя в руки.

— Медсестра сказала, мамин пролежень почти зажил, — заговорила я.